

1860.

ОЛОНЕЦКІЯ**Константин
ВАСИЛЬЕВ***г. Санкт-Петербург***ГУБЕРНСКІЯ****ВѢДОМОСТИ.****ЕЩЁ РАЗ О ТѢХ,
КТО СЪЕЛ СОБАКУ,
И О ПЕТРОЗАВОДЦАХ,
ЯКОВЫ СЪЕВШИХ
СВОЕГО ВОСКА**

1

Задав вопрос о математических или физических величинах, мы ожидаем получить и получаем единственно правильный ответ, и даже строение незримого атома имеет одно верное объяснение; что касается языка, мы не всегда уверены даже в том, где ставить ударение в слове, как правильно склонять, понимать и употреблять те или иные слова, а когда доходит до речевых оборотов, в толковании оных запутается даже опытный филолог, съевший, как говорится, собаку в языкознании. Или на языкознании? Если кто съел собаку, значит, он набрался опыта и стал мастером в своём ремесле, в какой-либо деятельности или науке – в чём-либо или на чём-либо, как сообщают нам сегодняшние справочники, приводя показательные примеры: у М.Е.Салтыкова-Щедрина в рассказе «Запутанное дело» есть белокурый Алексис, «который в науках, что называется, собаку съел»; у А. П. Чехова в записных книжках сказано о ком-то: «По этой части он собаку съел».

В более ранних письменных памятниках обсуждаемый фразеологический оборот встречался в иной форме: съесть собаку на что-либо. Актёр П. А. Каратыгин пишет в водевиле «Вицмундир» (1845 год):

«На эти вещи он собаку съел». Такое употребление нам менее понятно, мы привыкли, что можно насобачиться на чём-либо, набить руку на определённом занятии или работе. Разница в падежах несколько подмывает уверенные заявления, будто фразеологизм, неделимая часть языка, устойчив в своём составе, то есть нельзя в нём менять одни предлоги или падежные окончания на другие. Утверждается также, что фразеологизмы имеют исторические корни, но в случае со съеденной собакой (и не только с ней) никому не удаётся до них добраться.

Поэт и драматург П. А. Катенин в письме к А.С.Пушкину (от 6 июня 1826 года) просит его о помощи: сделать куплеты для вставки в небольшую комедию с любовным сюжетом, и Катенин уверен, что Пушкин легко справится, ибо: «на всё сладострастное ты собаку съел». Один раз мы находим собаку у самого Пушкина, который обращается к П. А. Плетнёву (в сентябре 1830 года): «Я писал тебе премеланхолическое письмо, милый мой Пётр Александрович, да ведь меланхолией тебя не удивишь, ты сам на это собаку съел». Можно истолковать так, что Пушкин многожды писал о любви и стал мастером по изображению любовных сцен; съесть собаку на меланхолию, скорее всего, говорит об умении Плетнёва сочинять меланхолические произведения.

Какой вывод можно сделать из зачитанных высказываний? Никакой. Не обнаруживается других случаев использования, более ранних, чем те, которые мы привели. Пушкин всего лишь раз вспомнил съеденную собаку, её нет у Державина, Жуковского, Крылова... Кстати, в некоторых современных изданиях при цитировании пушкинского послания к Плетнёву вместо на это печатают на этом, подгоняя старое речение под современное употребление. Такие переделки тоже следует принимать во внимание, докапываясь до корней того или иного речевого оборота: если он действительно старый, его могли время от времени подлаживать под меняющиеся грамматические правила, сокращать в разговорной речи, осовременивать по смыслу, искажать по небрежности или недомыслию.

2

В современном «Большом фразеологическом словаре русского языка» статья «Съесть собаку» представляет собой обрывки, если не ошмётки, ранее высказанных предположений:

«Собаку съесть – о том, кто является знатоком чего-либо, имеет богатый опыт в чём-либо. Есть несколько версий происхождения оборота.

1. Оборот появился в крестьянской среде, земледельческий труд тяжёл: устанешь так, что с голоду и собаку бы съел.

2. У римских писателей встречается сходная поговорка: *Linguae caninae comedit* (букв. язык собачий съел) – о том, кто разглагольствует без меры и без устали.

3. Фразеологизм восходит к свободному сочетанию слов, заключающему в себе насмешку над петрозаводцами, чуть не съевшими на свадьбе щи с собачатиной.

4. Выражение появилось в результате сокращения поговорки собаку съел, а хвостом подавился. Эта поговорка употребляется по отношению к человеку, который сделал что-то очень трудное и споткнулся на пустяке».

Согласимся, что крестьянский труд тяжёл, и, когда у тебя живот подвело, когда в брюхе волки воют, ты бы съел что угодно – в прямом, а не в переносном смысле. Почему именно собаку, а не, скажем, кошку, хорька, крысу? Толкователи, как дипломированные, так и доморощенные, ссылаются здесь на филолога А. А. Поттебни; но говорил он, во-первых, о косье, не о земледелии, и, во-вторых, его мнение выхвачено из словаря Макса Фасмера, где в статье о слове собака обсуждается, среди прочего, оборот он на том собаку съел, при этом Фасмер

считает суждение Поттебни, высказанное в 1882 году в «Русском филологическом вестнике», неубедительным: «По мнению Поттебни, оно исходит от крестьян: «Косить умеют лишь немногие; тот, кто этому научился, справляется со своей работой сравнительно быстро. Неопытный же человек на этой работе ощущает такой голод, что, кажется, мог бы съесть собаку». – Неубедительно».

Рассуждения Поттебни по поводу речения собаку съел действительно ни к селу ни к городу, и у нас напрашивается иронический вопрос: предположим, неопытный косарь отведает собачатины, и что – он сразу наберётся мастерства?

У каких римских писателей встречается поговорка, сходная с русским речевым оборотом? Нечто схожее есть только у одного, у Петрония в «Сатириконе», где рассказчик говорит о себе (в первом лице): «*Linguae caninae comedi*» (язык собаки я съел). Есть разница между целой собакой и собачьим языком, и одно дело, когда человек – знаток своего дела, и совсем другое, когда некто разглагольствует без меры и без устали.

Мы не можем разобраться с собакой и привлекать к обсуждению собачий язык, якобы встречающийся у римских писателей, – только запутывать дело. К тому же и по поводу собачьего языка в комедии Петрония нет единого понимания. Короткое латинское *linguae caninae comedi* переводится у нас многословно: собаку я на людях съел, чтобы разжевать читателям: рассказчик хорошо разбирается в людских нравах. Правильно ли переводчик понял подлинник? Я не уверен. Что точно, Петроний не подразумевает в данном случае любви к разглагольствованию. Есть мнение, что «собачий язык», упомянутый в подлиннике, – растение, будто бы дававшее способность слышать лучше. Слышать? Может быть, говорить? Сравним: большинство английских переводчиков и языковедов считают, что повествователь в «Сатириконе», сказав, что он съел собачий язык, намекает на свою принадлежность к киникам, смело высказывающим правду: «*I have eaten a dog's tongue and dare speak truth*».

У древних греков была поговорка: «Всего быка съел, а на хвост сил не хватило». Смысл понятен: человек, устав или надорвавшись, не смог завершить большое дело. Можно усмотреть в этом корни русского речения: «Собаку съел, только хвостом подавился». Но опять неубедительно: трудоёмкая работа вполне сравнима с тушей быка, но не собаки. И русский фразеологизм, если я не ошибаюсь, имеет иной смысл: некто взялся за не очень приятное или совсем гадостное дело, но до конца не справился, не осилил. К приобрете-

нию мастерства, опять же, не усматривается ни какого отношения!

По поводу свободного сочетания слов, в котором насмешка над петрозаводцами, чуть не съевшими на свадьбе щи с собачатиной, хочу сказать отдельно.

3

В своё время, редактируя для издательства «Азбука» книгу С. В. Максимова «Крылатые слова» (впервые изданную в 1890 году), я с большой охотой приступил к работе, полагая, что найду ответы на многие вопросы: Максимов участвовал в этнографических экспедициях, его очерки о народном быте и народных говорах основаны, очевидно, на личном опыте, он должен знать, ибо получал сведения из первых рук... В статье «Собаку съел» автор пишет: «Таких выражений, не имеющих определённого смысла и не допускающих объяснений, в нашем богатом обиходном языке очень много. <...> С трудом поддаётся объяснению весьма распространённое выражение собаку съел. Это тот, кто изучил до тонкости или искусства какую-нибудь науку, ремесло, торговый промысел, мастерство и тому подобное, тогда как настоящую собачину едят только небрежливый китайцы <...> У нас на Руси петрозаводцы попробовали нечаянно поесть собачины, так с той самой поры им от насмешек прохода нет. Всякий встречный их дразнит: Боску съел! Или так: Боска, боска, на тебе костку! Произошёл этот несчастный случай с олончанами в Шелтозерском обществе Петрозаводского уезда таким образом...»

Максимов сначала уверил нас, что выражение относится к не имеющим определённого смысла, с трудом или вообще не поддающихся объяснению, и тут же объясняет и смысл, и берётся рассказать историю происхождения. Под петрозаводцами, видимо, он имеет в виду всех жителей города Петрозаводска, которые нечаянно поели собачатины? Или идёт речь о населении Петрозаводского уезда? Нет, несчастный случай произошёл с олончанами... Мы знаем, что Максимов провёл год на севере, а именно на Белом море, о чём им написана книга, где, среди прочего, есть заметки и о карельском племени, но в читаемой статье мы наблюдаем небрежное отношение автора к использованию слов: то у него петрозаводцы, то олончане, но, оказывается, всё случилось в одной деревушке Шелтозерской волости.

«В одной деревушке приготовились справлять свадьбу. В жениховой избе, по обычаю, шла накануне большая стряпня до поздней ночи. Северный человек, вследствие климатических влияний, вообще

ест много, обязательно четыре раза в день – на четыре выти, как говорят там (завтрак, обед, паузин и ужин). Олончане же сами про себя давно когда-то выговорили: Наши молодцы не дерутся, не борются, а кто больше съест, тот и молодец. <...> Мать жениха на этот раз надумала угостить богоданную новую родню <...> щами с убоинкой, то есть с мясом свиным и коровьим. Чтобы капуста упрела, она выставила щи на шесток на ночь, чтобы на другой день опять уварить их и подать с пылу – горячими. Затем печь skutала и сама легла спать. В ту же ночь надумала ощениться собака, которых в тех местах предпочитают называть корельским словом боска, но ценят едва ли не больше, чем в других местах. <...> Здесь она помощник в борьбе, товарищ на охоте и проводник и, сверх всего, в то же время упряжное животное: возит воду, а при случае и воеводу. По этой причине везде на севере для такой суки заботливо отводят особую щенковую закуту, а в данном случае шелтозерка положила суку на горячую печь. Щенята жары не стерпели и расползлись, а слепа попадали с печи прямо на печную загнетку и в щи. Собрались свадебные гости, подали шти – показались собачьи морды, уши и лапы: все разбежались и всем рассказали; дошло и до нас...»

Читая, я всё больше изумлялся. Максимов рассказывает нам забавную небылицу? Нет, он пишет серьёзную статью по языкознанию и научно объясняет, почему петрозаводцев обзывают боскоедками! Мать жениха запихала собаку, то ли оценившуюся, то ли собравшуюся ощениться, на горячую печь? Бедные щенки падали с печи целенаправленно – в одну сторону, в одно место, именно в щи? Такого не могло быть! Бедная собака при этом, конечно, выла, но никто не проснулся? Не то что неубедительно, неправдоподобно! Утром хозяйка не заметила отсутствие щенков на печи, не обнаружила их в горшке со щами? И только за свадебным столом показались собачьи морды, уши, лапы – видимо, гостям предложили хлебать щи из общего чугунка, не разливая по мискам? Что за галиматья!

Поскольку я учился на филологическом факультете, меня заинтересовало необычное слово боска. Максимов считает его карельским. По-фински, как я знаю, собака называется koira. История Шелтозера связана с вепсами; но вепско-русский словарь предлагает нам koir, явно родственное тому же koira. Этнограф Максимов, не сказав ничего вразумительного по поводу речения собаку съел, ввёл в обсуждение слова боска и боскоеды и тем самым внёс дополнительную сумятицу в наши разыскания.

Присловье об олонецких молодцах, любителях поесть, Максимов мог позаимствовать, например, в «Сказаниях русского народа», собранных И.П.Сахаровым, где (по изданию 1841 года) о жителях Олонца (а не Олонецкой губернии, как можно понимать, читая Максимова) есть также: «У нас один молодец съел тридцать три пирога с пирогом, да все с творогом». Новгородцев обзывали долбёжниками и гущедами, архангельцев моржедами, про ладожан говорили, что они: «Щуку с яиц согнали», каргопольцы прослыли толоконниками, как и вологодцы, которые к тому же «Телёнка с подковой съели»... Клички бывают насмешливые, даже злые: в таком-то городе, мол, все вислоухие и в таких-то краях все кособроухие. В кличках желание уязвить, осмеять, в них преувеличение, наговор, напраслина и выдумка, как то, что «Псковичи небо подпирали». Смысл подобных речений требуется объяснять, и пояснения имеются, хотя, опять же, трудно определить степень их достоверности; например, холмогорцев считали заугольниками по следующей причине: «Как-то раз Пётр Великий проезжал в Архангельск; холмогорские староверы, из страха, боясь приблизиться к государю, смотрели на него из-за угла. С тех пор будто соседи стали их называть заугольниками».

Отметим здесь особенно частицу будто, которая выражает неуверенность, и она необходима при пересказе подобных баек – необходима в филологических статьях, я имею в виду, а не в кругу благодарных слушателей на завалинке. Известный собиратель былин П. Н. Рыбников использует будто бы, приводя присловье о жителях Каргополя: «Толоконник – прозвище каргополов за то будто бы, что они, едучи через озеро, захотели поесть и по простоте своей сделали прорубь и месили там толокно».

Неправдоподобная история про бедных щенков, попадавших в щи, рассказанная Максимовым так, словно она действительно имела место, сродни байкам про пошехонцев, которые «В трёх соснах заблудились. За семь вёрст комара искали, а комар у пошехонца сидел на носу...» Мы не верим в то, что щепкоеды питались щепками и что каргопольцы настолько глупы, чтобы валить толокно в прорубь, но нам понятны слова, из которых составились или от которых образовались эти и другие клички, но прозвище боскоеды представляет из себя загадку.

Владимир Иванович Даль, большой любитель областных слов, почему-то не включил боска в свой «Толковый словарь». Точнее, у него есть боско, но как наречие в архангельско-онежских говорах со значением красиво, хорошо. В «Пословицах русского народа» (1862 год) Даль приво-

дит присловье: «Боску съели. Боска, Боска, на тебе костку (кличка собаки)», но мы не находим у него боскоедов. Если это кличка, Боска должна стоять в ряду существительных, которые мы называем именами собственными: Барбос, Валет, Каштанка, Полкан, Жучка, Шарик... Но Максимов утверждал, что боска – существительное нарицательное, собака в карельском наречии.

Обратимся к современному «Словарю русских народных говоров». По большому счёту, Сахаров, Даль и Максимов, медики по образованию, занимались собиранием слов, поговорок, былей и небылиц, скажем так, из любви к искусству и толковали речения по-любительски, а указанный словарь представляет из себя совершенно научный труд. Работа над ним велась в течение многих лет и нескольких десятилетий (и до сих пор ведётся) дипломированными филологами, и их усилиями составляется подробнейший и, может быть, исчерпывающий справочник. Обратившись к оному, мы читаем (в томе 3, выпущенном в 1968 году):

«Боска ж. Собака. Пинеж. Арх., 1852. Ср. 1. Боско».

По указанию составителей мы сравниваем боску женского рода с боско среднего рода:

«Боско и боско ср. Собака, пёс. ~ Боско́. Онеж. Арх., 1896. ~ Боско [удар. ?]. Олон., 1842–1847. || Боско. Кличка собаки. Олон., 1852. Сев.».

Боюсь, что эти сведения не внесли ясность в обсуждаемый вопрос. По крайней мере, я лично признаюсь в своём прежнем непонимании. Получается, в Архангельской губернии пинежане и онежане называли боской или боско любую собаку. И слово это, видимо, русское. В Олонецкой губернии в указанные годы этнографы записали Боско (а не боска, как у Максимова) как кличку, как имя собственное... Если обратиться к словарной статье «Боскоеды» чуть ниже, вы согласитесь, что моё недоумение не беспочвенно:

«Боскоеды мн. Прозвище крестьян. «Боско – общее название собаки. Отсюда произошло название боскоеды, которые на работе вместо зайца съели собственного своего боска». Олон., 1845. Олон. губ. вед.».

Значит, боскоед – это крестьянин! Судя по словарному объяснению, так прозывали всех крестьян (по крайней мере, в пределах Олонецкой губернии). И боско – не имя собственное, а нарицательное и, следовательно, обиходное, привычное, сродни жучке или барбосу. Как, например, у Н.В.Гоголя в «Старосветских помещиках»: «Самый лай, который поднимали флегматические барбосы, бровки и жучки, был приятен моим ушам...»

Обратите внимание: прозвище боскоеды не связано в «Словаре» с петрозаводцами. Так что, если

какой петрозаводец, которому прохода нет от насмешек (как выразился Максимов), который обижается, когда всякий встречный дразнит его: Боску съел! – он может смело сослаться на авторитетный научный «Словарь русских народных говоров»: ничего подобного, с городом Петрозаводском связи никакой, боскоеды – крестьяне, землепашцы и косары, которые съели собственного боско. Вернее, собственного боска, ибо в цитате он мужского рода. Короче, крестьяне съели свою собаку. Видимо, на какой-то земледельческой работе так изголодались, что не просто готовы были отведать собачатины, но и действительно отведали. А зачем, ведь, похоже, у них был заяц? Может, указанные боскоеды были слепыми: хотели зайца съесть, но употребили своего боска. Возможно, будучи зрячими, они не умели отличить зайца от собаки?

Я иронизирую? Ну что вы, я не отважусь на иронию по поводу справочника, подготовленного Институтом русского языка и выпущенного Академией наук СССР.

5

Максимов придумал историю со щенками в щаж? Бывает такое: человек услышит краем уха какое-нибудь чудное словечко вроде боско, у человека разыгрывается фантазия, в голове возникнут разные удивительные домыслы, человек сам начинает верить в свои выдумки... Нет, этнограф Максимов пересказал с чрезмерными литературными украшениями историю, прочитанную им в «Олонецких губернских ведомостях». Ему в руки попал № 40 за 1 октября 1860 года, где в статье священника Феодора Сермягина давалось следующее, скажем так, филологически-этнографическое объяснение:

«Боскоедами называют крестьян Шелтозерского общества в Петрозаводском уезде по следующему случаю. У одного крестьянина Шелтозерского прихода была свадьба. К утру свадебного дня всё нужное для деревенского пира было приготовлено заботливыми хозяйками. В деревнях на свадьбах гостей бывает много, почему и горшки с кушаньями были большие и поставлены против печки на ошестке. <...> В ночь перед свадьбою домашняя собака (по-чудски боска) щенилась на печке. Лишь только затопили печь и поставили к устью горшки с мясом, щенята, вероятно от жару, расползлись от матки по печке и один за другим попадали в горшки, чего в суетах хозяйки не заметили. Собрались наконец гости, сели за стол, подали деревенские шти, в которых плавали собачьи морды, уши и лапы. С криками и бранью гости выскочили из-за тра-

пезы, – и с того времени название боскоедов присвоено всем здешним жителям».

Судя по изложению, автор верил в то, что рассказывал читателям «Олонецких ведомостей». В его рассказе бедные щенки валялись в щи прямо при хозяйках, которые этого в суетах не замечали... Как мы убеждаемся, Максимов, почётный академик Петербургской академии наук, поверил во всё, о чём говорилось в газетной публикации, и воспроизвёл напечатанную байку в своём более красочном и путаном изложении в лингвистическом труде «Крылатые слова» (напомню, в 1890 году). Вместо нескольких хозяек и горшков в этой небылице он изобразил одну хозяйку и один горшок. И боска стала у него не чудским словом, а карельским.

6

Сермягин поведал историю со щенками в горшках не просто так, он откликнулся на статью «Присловья в Олонецкой губернии», напечатанную ранее в газете, и, надеясь отыскать источники и первопричины, мы просматриваем теперь материал К.Петрова в номере 33 «Олонецких губернских ведомостей» (за 13 августа 1860 года). Мы сразу чувствуем, что автор серьёзно занимался этнографическими разысканиями, а не побасёнками развлекал легковерных читателей. Кто он такой? Константин Михайлович Петров, уроженец Вытегры, учился в Олонецкой губернской гимназии в Петрозаводске, в 1855–1860 годах преподавал историю и географию в Вытегорском училище. Ещё будучи гимназистом, Петров составил сборник «Поговорки о городах и племенах Олонецкого края», в 1856 году в «Олонецких губернских ведомостях» печатался его «Словарь местных слов Олонецкого края, не вошедших в областной словарь Академии наук»...

Из статьи Петрова о присловьях мы узнаём, что жителей Вытегры обзывали водохлёбами и камзольщиками, про них говорили, что «Вытегоры воры, Петра I камзол украли»; каргополы, или каргопольцы, как мы сейчас говорим, прослыли чудью белоглазю, мякинниками и овсянниками; над жителями Пудожского уезда подшучивали: миньки толстоголовые (областное мень значит налим). Публикация заслуживает того, чтобы прочитать её полностью, но мы сейчас ищем только то, что относится к нашей теме; мы ищем и находим у Петрова следующее: «Жители Петрозаводска названы обжорами, боскоедами; боска, боска (кличка собаки), на тебе коску! Боске не дал, а сам оглодал».

По версии Петрова, не крестьяне какой-либо волости в Петрозаводском уезде и не вообще все

крестьяне губернии, а петрозаводцы (горожане) прослыли такими же обжорами, как обыватели города Олонца, те, которые не бьются, не дерутся, а кто больше съел, тот и молодец. И можно понимать так, что всё началось не с того, что они собаку съели или щенками чуть не пообедали, кличка дана как будто за то, что петрозаводец, скажем так, готов объесть своего пса; подзывая, хозяин сулит: Боска, вот тебе косточка, но, будучи обжорой, псу не даёт: сам лучше обглодаю!

Петров, как мы понимаем, сообщил то, что услышал собственными ушами, но его показания не были учтены лексикографами, как мы видим, сравнивая с тем, что напечатано о боскоедах в современном «Словаре народных говоров». Петров не пишет о собаке, съеденной вместо зайца, у него нет и намёка на те невероятные события, которые, как нас уверяли Сермягин и вслед за ним Максимов, имели место на свадьбе в Шелтозерске. Автор считает, что Боска всё-таки кличка, но, к сожалению, не говорит о её происхождении.

Мы находим новые сведения, обнаруживаем новые свидетельства, но не находим ответа на поставленные вопросы.

7

Перелистав подшивку «Олонецких губернских ведомостей», переместимся ещё на несколько лет назад, а именно в 1856 год, когда в двух июньских номерах в разделе «Этнографические материалы» печатался «Список местных слов Олонецкого края», составителем которого, как мы только что узнали, был К. М. Петров. В списке около сотни словечек. Моё внимание привлекли вислять (собака – от висляй, неуклюжий), Кутька (кличка собаки), лайбои (узкие, длинные сани) – напрашивается сравнение с архангельским лайбы (простые сани, дровни), и, если я не ошибаюсь, оба названия восходят к финскому laiva (корабль, лодка), хотя утверждать не берусь; по-русски лайбами называли деревянные парусные суда для перевозки грузов в Финском заливе, в это сразу верится, в отличие от утверждения, что такое же название бытовало на Днепре; лет сорок назад я слышал своими ушами лайба у детей школьного возраста по отношению к велосипеду...

Есть у Петрова лёмбой (леший) – сравним с архангельским лембой (чёрт) по «Областному словарю Академии наук» (1852 год). Я отметил также прилагательное песьяный, что на литературном языке песчаный. Чем меня заинтересовало это слово? Тем, что в Гатчинском районе Ленинградской области есть деревня Псоедь (в XV веке, буду-

чи в земле Новгородской, именовалась Псодье, позже, в царствование Алексея Михайловича, она, с названием Псоеди, находилась в Осминской сотне Сумерской волости), и многие усматривают в названии корень пёс и ссылаются на байку, что местные жители тоже съели когда-то собаку или ели собак, но, возможно, первоначально в названии присутствовал песок. К рассуждениям о съеденной собаке подключают также Пёсье, село Удельное при озере Самро (или над озером Самром), ныне это деревня Самро в Лужском районе; но, повторяю, зримое сходство обманчиво.

Название Самро объясняют из эстонского sõmer (крупный песок). В скрупулёзных научных статьях можно прочитать следующее по поводу рыбы, известной нам как пескарь: «Пескаря сперва обозвали пескозобом, то есть пескоедом, за то, что он якобы ест песок». Кстати, Петров записал в Вытегорском уезде удивительное слово безкозопы с объяснением: маленькие рыбки. Присмотритесь: безкозопы – те же пескозобы, они же пескоеды! Я это к тому, что и в случае с боско и боскоедами, вполне возможно, происходили разные переделки написания и существенные переосмысления, и, может быть, каких-то сельчан или горожан на Русском Севере поначалу обзывали просто баскоедами (имея в виду, что они молодцы на всё съестное), используя распространённое прилагательное баской или баский в значении проворный, расторопный.

Так или иначе, в газетной публикации за 1856 год мы не находим у Петрова ни боско, ни боскоедов. Но составитель предупредил, что он включил в список слова, не вошедшие в областной словарь Академии наук. По этой подсказке заглянем в упомянутый справочник. Он был издан в 1852 году, о нём сегодня мало кто вспоминает, ибо все обращаются к «Толковому словарю» В. И. Даля, куда более богатому по наполнению, в наши дни имеется обширнейший «Словарь русских народных говоров»...

В указанном 1852 году Второе отделение императорской Академии наук выпустило «Опыт областного великорусского словаря», в предисловии к которому лично я нашёл подтверждение своим сомнениям в удаче при поиске корней того или иного простонародного речения, ибо в говорах преобладают словечки и названия, «уклонившиеся от нормального употребления языка, нередко искажённые до крайности, или иноземные слова, заимствованные от соседних инородцев, частью верно сохранившиеся, частью изменённые».

Мы находим короткое объяснение нужного нам слова, это существительное мужского рода, записанное в Олонецкой губернии: «Боско с. м. собачья кличка. Олон.».

8

Читая разные книги и статьи, я ловил себя на том, что обращаю внимание на собачьи клички. В комедии Петрония крупного пса, страшного барбоса, звали Скилаком, он чуть не разорвал в клочки шавку по кличке Жемчужина. В другом русском переводе собачонку зовут Маргариткой (в латинском подлиннике *margarita*, что значит жемчужина, перл). В данном случае барбос, хотя и кажется удачной находкой переводчика, не подходит, ибо означенное слово с римскими временами, скажем так, не вяжется, оно более позднего происхождения. В русском языке барбос появился в обиходе через очень много столетий после написания «Сатирикона». В восемнадцатом веке до русской читающей публики дошли переводные произведения «О храбром кавалере Евдоне и о прекрасной принцессе Берфе и гишпанском разбойнике Барбосе». Имя разбойника объясняют сейчас как Бородач, усматривая в нём испанское *barba* (это борода, сравните с английским *barber*, что значит цирюльник).

Строго говоря, бородатый человек, бородач по-испански *barbudo*, и, сравнивая печатные и рукописные тексты, а также надписи на русских лубочных картинках с изображением Евдона и Берфы, мы встречаем написания Барбосс, Борбосса, так что во французском оригинале злодея, скорее всего, звали *Barbosa*, а это родовое имя произошло не от бороды.

Так или иначе, русский народ полюбил истории о Евдоне, о прекрасной королеве Берфе и о разбойнике Борбосце, но имя последнего закрепилось у нас в написании Барбос. В честь славного разбойника в России стали называть крупных свирепых собак, а позже кличка использовалась и как нарицательное существительное по отношению к большой, необязательно злой и, как правило, беспородной собаке; вспоминается сразу крыловский дворовый верный пёс Барбос, который барскую усердно службу нёс. Заимствованное имя собственное прочно вошло в русский язык, и доказательством тому – появление уменьшительной формы барбоска. Иван Тимофеевич Кокорев в «Очерках о Москве» сообщает об одном из своих персонажей, что тому: «Оставалось только обзавестись двухтысячным рысаком, кучером с окладистою бородой, да не мешало бы держать какую-нибудь барбоску на цепи». Мы узнаём от Кокорева, что в сороковых годах девятнадцатого века в старой столице были моськи, шпицы, меделянские собаки, овчарки, левретки... В очерках упоминается итальянский фокусник Бартоломео Боско, личность весьма примечательная; но будем считать полную схожесть итальянской фами-

лии *Bosco* и нашего областного боско случайным совпадением.

Следующее совпадение показалось мне не случайным. В рассказе Ярослава Гашека «Как я торговал собаками» (1914 год) бойкий Ладислав Чижек, хвастаясь, выставляет себя знатоком по собачьей части: как-то ведёт он домой боксёра, его останавливает некий господин и утверждает, что боксёр принадлежит ему, он потерял его два часа тому назад на Овощной улице. Далее по тексту русского перевода; Чижек задаёт вопрос, владелец боксёра ему отвечает:

«– Почём вы знаете, что это ваша собака?

– Потому что её зовут Мупо. Пойди сюда, Мупо!

И вы не можете себе представить, как радостно стал на него прыгать этот пёс.

– Боско! – крикнул я. – Боско, фу!

Он давай так же радостно кидаться на меня. Тупое животное! Хуже всего то, что в суде я забыл, что тот раз назвал его Боско. Но он отозвался и на Буберле и опять мне обрадовался...»

Рассказчик, проныра и любитель выпить, обращаясь к собаке, ему не принадлежавшей, вспомнил явно не какую-то вычурную, а распространённую и вполне обычную кличку, ту, которая сразу пришла ему на ум: «*Bosko, – volam na něho, – Bosko, fuj*».

Кроме того, кличка Боско встречается в современных французских материалах. Вот о пятилетней прелестной собачке: «*Bosco est un adorable chien de 5 ans*». Вот предлагаются на выбор собачьи клички, и Боско приводится в списке в двух написаниях: «*Choisissez le nom de votre chien: Bordo, Bosco, Bosé, Bosko, Bosphore...*» Вот сообщение о собаке Боско, помеси лабрадора и ротвейлера, которая занимала в течение тринадцати лет пост (почётного) мэра в калифорнийском городе Сунол: «*Le chien Bosco, labrador croisé rottweiler, a occupé le poste de maire de la ville de Sunol pendant 13 ans*»...

Не верится, что в Чехии, во Франции, в Соединённых Штатах имела и имеет хождение кличка, заимствованная из олонецкого или архангельского говора, вычитанная из «Олонецких губернских ведомостей» или из «Областного словаря», изданного Академией наук в 1852 году. Думаю, иностранное *bosco* и русское боско идут от одного корня.

9

Вернёмся к научному толкованию в академическом «Словаре русских народных говоров»: боскоеды – это крестьяне. Почему? Потому что: «Боско – общее название собаки. Отсюда произошло название боскоеды, которые на работе вместо

зайца съели собственного своего боска». Олон., 1845». Справочник ссылается на «Олонецкие губернские ведомости», и предложение, взятое в кавычки, надо понимать, позаимствовано из «Ведомостей». Проверять достоверность и точность ссылки никто не будет, всецело доверяя современному академическому изданию. Мы, однако, придерживаемся правила, на мой взгляд, полезного и правильного, подвергать всё сомнению и, при возможности, проверять всё напечатанное, пусть даже исходящее от самых известных светил в области филологии, этнографии или истории.

Четвёртого октября 1845 года в своём сороковом выпуске главная и на то время, возможно, единственная петрозаводская газета напечатала статью «Местные слова и выражения в Олонецкой губернии». В списке под номером четыре мы находим уже ставшее для нас дорогим и любимым слово боско со следующим пояснением: «Боско – общее название собаки. Отсюда произошло название боскоеды, которым дразнят крестьян одной волости за то, что будто бы они в лесу, на работе, вместо зайца съели собственного своего боска».

Вы видите разницу? И эта разница существенная.

В «Ведомостях» идёт речь о крестьянах всего лишь одной волости. Не утверждается, что жители той волости – поедатели собак. Их дразнят, называя боскоедами. Они будто бы съели своего боска. В газете мы находим пример того, как насмешники из одного селения обзывают чужих, приписывая им что угодно, любую чепуху, которая на ум придёт: они, мол, щепкоеды, гущееды, камзольщики, ибо камзол у Петра Первого украли, они толоконники, потому что по глупости толкну в проруби месили...

Составители «Словаря» обкорнали предложение из газетной статьи. Они выкинули по небрежности или недомыслию ключевые слова, и академическое издание вводит заинтересованных исследователей в заблуждение, утверждая, будто боскоед значит крестьянин.

10

Французское *chien* (собака) происходит от латинского *canis* – нам это слово встречалось в падежной форме *caninam* в тексте «Сатирикона», где герой говорил про себя: язык собаки я съел (*linguam caninam comedi*). В итальянском *canis* упростилось до *canе* (и перестало склоняться, как все остальные существительные). Мы обнаруживаем, например, *canе* в собачьей кличке Полкан. Точнее, оно однозначно усматривалось в имени *Pulicane*, как звали по-итальянски великана, выступавшего про-

тив доблестного рыцаря Буово в средневековых рыцарских романах. Пуликане, он же Пелукан, – сказочное чудище (*mostro*), наполовину человек (выше пояса), наполовину собака (ниже пояса): *mostro fantastico, metà uomo (nella parte superiore) e metà cane (nella parte inferiore)*. В русских переводах, пересказах и переделках рыцарь Буово превратился в Бову-королевича. Великан Пуликане под именем Пулкан воспринимался поначалу тем же чудищем, родившимся от пса и женщины: «Мает образ человечий и руки и перси широки, до пояса человек, ано нижеи як пес, от пса и от жоны рожон ест».

Со временем Пулкана переделали в Полкана, поскольку простолюдины, исходя из только что зачитанного описания, усматривали в первой части его имени половину, а вторая часть по звучанию наводила на мысль о коне. Так что вместо великана на собачьих ногах появилось существо с человеческим торсом и головой на теле лошади. Именно таким китоврасом изображён Полкан на русских лубочных картинках, и люди образованные, знакомые с древнегреческой мифологией, дали потом и научное объяснение: Полкан – то же, что кентавр!

Я распространяюсь об этом опять к тому, что лингвистические розыски сворачивают подчас на ложный след, исследователя вводят в заблуждение иноземные слова, частью верно сохранившиеся, частью изменённые. Разыскивая в иностранных источниках использование слова *bosco*, я натолкнулся на французское совершенно научное издание с утверждением, что жители Петрозаводской и Петербургской губерний получили прозвище боскоеды, боску съел, что значит поедатели собак (*mangeurs de chiens*): «*Les habitants des gouvernements de Petrozavodsk et de Petersbourg se faisaient taquiner du nom de boskoed, bosku s'el (Maksimov, XV, p. 235; SRNG, III, p. 124), mangeurs de chiens*». В скобках есть ссылка на Максимова, на его «Крылатые слова», на уже известную нам небылицу со щенками в щях. То, что население Петербургской губернии тоже прослыло боскоедами, явилось для меня новостью.

Многостраничная брошюра, изданная в 1990 году в Лозанне, оказалась переводом русских статей о семиотике русской культуры, где по поводу речения собаку съел описывались обряды Древнего Египта и иных стран, включая жертвоприношения и поедание, обсуждалось, в каких языках собака использовалась в поговорках, заклинаниях, заговорах и ругательствах... Просматривая длинные рассуждения и нагромождения из сведений, заимствованных из разнообразных источников, в том числе из сказочных преданий, я увидел, что всё перечисляемое, вроде как ведущее к какой-то цели, не имеет отно-

шения к речению съел собаку в смысле стал мастером. Дипломированные языковеды, копаясь в семантике, оставили нас без ответа на поставленный вопрос, повторив по ходу дела небылицу о петрозаводско-олонецких молодцах, чуть не отведавших собачатины, рассказанную когда-то Максимовым в «Крылатых словах».

Так всё же почему в научном издании и жители Петербургской губернии причислены к поедателям собак? Поначалу я не собирался привлекать к обсуждению то, что не относится к олонецким и архангельским говорам, чтобы не запутывать обсуждение. Но придётся всё же сказать два слова и о петербургских губернских боскоедах. Вторая ссылка во французской брошюре: SRNG, III, p. 124 расшифровывается просто: «Словарь русских народных говоров», том 3, страница 124. Мы означенную страницу уже посещали! Вернувшись к знакомой статье, зачитываю её вторую часть с объяснением, что боскоеды – это также: «Прозвище самряков, прибрежных жителей озера Самро Петроградской губернии. «По указанию Г. И. Карзубова, прозвище это произошло потому, что жители одной деревни, найдя после пожара кустарных зарослей обгорелый труп своей собачки Боски, приняли его за тело зайца и съели». Пск., 1912–1914».

В 1845 году в петрозаводской газете шла речь о крестьянах одной волости, будто бы съевших собаку вместо зайца. В 1912–1914 годах нечто подобное поведал Карзубов, инструктор по рыбоводству и рыболовству на Чудском и Псковском озёрах. Озеро Самро не так далеко от названных больших водоёмов, где инструкторовал Карзубов. Нет ни малейших сомнений в том, что он узнал присловье о петрозаводских боскоедах из работ Сахарова или Далея. Вряд ли он докапывался до первоначальной публикации в «Олонецких губернских ведомостях», скорее всего, он приспособил слова боско и боскоеды к местным байкам о самряках. Среди этих баек – небылица про неких мужиков из деревни Псоедь, которые, по легенде: «Собрались у костра, подвыпили и не заметили, как вместо зайца поджарили пса, который случайно в силки попался». Мы уже отмечали выше, что названия вроде Псоедь и Пёсье прямо-таки подталкивают к скороспелым филологическим выводам: в означенных населённых пунктах жители лакомились собачатиной!

Печально, что небылица псковского происхождения, вторичная, восходящая к небылице о крестьянах неназванной волости в Олонецкой губернии, была включена в академический словарь в виде серьёзного довода, без проверки: кроме рыбного инструктора Карзубова кто-либо из настоящих псковских сельских жителей пользовался, знал,

слышал хоть раз боско и боскоеды? Искажённое воспроизведение первоисточника и бездумное пересказывание чужих домыслов привели к тому, что неназванная волость стала Петрозаводском и чуть ли не всей Олонецкой губернией, и вдобавок к жителям Карелии население всей Петербургской губернии попало в боскоеды.

11

Хотя фразеологизм и считается устойчивым выражением, он может претерпевать разные изменения. При этом неожиданные и непредсказуемые. Приведу пример, как в английском языке ослиные уши превратились в ослиные годы. Если современный англичанин не видел кого-либо долгое время, он может воскликнуть: «I haven't seen you for donkey's years!» Donkey's years (ослиные годы) – значит очень долго. Почему? Ответ кажется очевидным: потому что осёл долго живёт. Толкование ошибочно уже хотя бы потому, что ослы не отличаются долголетием. Первоначально на месте years (годы) стояло ears (уши), и долгую разлуку сравнивали с длинными ослиными ушами: кто-то не видел кого-то as long as a donkey's ears. Наречие long значит долго, давно; как прилагательное, long можно понимать и как долгий, и как длинный. Существительное ear (ухо) произносится схоже с year (год). Сравнение длительного периода времени с ослиными ушами, довольно замысловатое, заменили в просторечии на сравнение с годами, более понятное по отношению ко времени и вроде как более уместное.

С русским речением съел собаку могли происходить подобные и любые изменения. Пока что никто их не выявил, не проследил. Нет нужды и уже как-то глупо повторять все ранее высказанные предположения об изголодавшихся земледельцах, о римских писателях, перечислять древние обычаи поедать или приносить в жертву собак... Сваливание в кучу всего, связанного с собаками, не даёт ответа, почему съел собаку значит – стал мастером своего дела. Повторяя байки про крестьян или мужиков, съевших собаку вместо зайца или чуть не пообедавших щенками, плавающими в щах, следует называть присловьями, небылицами, частью устного народного творчества.

Поскольку я подвергаю сомнению существующие толкования и вроде как подкапываюсь под авторитетных филологических светил и академические издания, меня могут остановить резонным замечанием: критиковать каждый умеет, а вы сами предложите какое-либо объяснение. Посему, оставив в покое названных и неназванных светил, от-

ложив в сторону всё, ранее напечатанное, я выскажу свои личные догадки и суждения.

Было предпринято довольно много разысканий, скажем так, зоологических; я бы предложил обратить внимание на ботанику. Есть растения с весьма любопытными названиями: собачий хвост (по-английски *dogstail grass*), собачья капуста, собачья голова, собачий зуб, собачья петрушка, собачья смерть, собачьи ягоды, собачьи пожитки... Не буду утверждать по поводу русского собачьего языка, но английское *houndstongue*, *dog's tongue* и французское *la langue de chien* восходят к *synoglossum*, латинскому термину с древнегреческими корнями *kuón* (собака) и *glóssa* (язык), и корень *kuón* присутствовал по какой-то причине в довольно многих растительных названиях в Древней Греции. Рассказчик в «Сатириконе» съел собачий язык, и предположение, что он съел некое растение, способствовавшее то ли красноречию, то ли злоречию, на мой взгляд, не лишено оснований.

Заглянув в «Ботанический словарь», составленный Н. И. Анненковым (первое издание в 1859 году), мы обращаем внимание на чернокорень лекарственный, который имел множество простонародных названий, среди которых: живая трава, костолом, лиходейка, медунка собачья, одурь, почешуйная трава, полюбим, слепота куриная, собачка, собачник, собачник аптечный, собачий язык, пёсий язык, собачий корень... Некоторые из них, как я понимаю, были даны растениям по применению в лечебных или колдовских целях, с верой, идущей с давнейших времён, что та или иная трава придаёт или лишает сил, способствует или не способствует здоровью, наводит или снимает порчу; не исключено суеверие, что, съев какой-нибудь растительный собачий язык, намеренно или случайно, человек становится злоречивым, подверженным злословию (или многословию), съев что-либо иное, он получит способность к какой-либо деятельности...

Будучи филологом, оставляю ботанику для размышления людям, сведущим в ботанике и желающим самостоятельно добраться до корней поговорки съел собаку.

Нет ни одного доказательства тому, что поговорка связана со словами боско и боскоеды. Вспоминая собачьи клички, я намеренно остановился более подробно на Барбосе. Иностранное имя собственное прижилось в русском языке, стало использоваться как нарицательное существительное, в том числе во множественном числе и в уменьшительно-ласкательной форме: кто-то завёл себе барбоса, ленивые барбосы не лаяли, нужно держать барбоску на цепи... Может быть, ларчик просто открывается? Мы сокращаем имя Александр до Саши или Шу-

ры, и кто-то стал звать свою барбоску коротко, ласково, шутливо: Боска. Укороченная форма приобрела какое-то распространение благодаря складной рифмовке с коской (косткой): боска, боска, на тебе коску! То, что боска записали в Архангельской или Олонецкой губернии и внесли в «Областной словарь», не значит, как и во многих других случаях, что слово возникло в северо-западных краях, его могли привезти с собой переселенцы намного раньше, чем 1845 год, когда оно попало в список местных слов, напечатанный в «Олонецких губернских ведомостях». Поскольку его отметили в Олонецкой губернии, поскольку в народных присловьях его связали с петрозаводцами, сама собой пришла мысль, что боско с его нерусским звучанием – карело-финского происхождения.

Моё объяснение, думаю, вполне убедительно. Но я сам усложнил себе задачу, отметив кличку Боско в иных языках, в связи с чем предлагаю другое толкование: боско – слово французское.

В многотомном словаре французского языка «*Trésor de la langue française*» существительное *bosco* имеет помету, что оно разговорное, простонародное (*populaire*): «*Bosco pop. Personne petite et bossue; bossu*». Перевод: кто-либо маленький и горбатый; горбун.

Существительное встречается в написании *boscot*, присутствие согласной буквы в конце не сказывается на произношении, это всё равно боско́ (с ударением на последнем слоге).

В словаре «Ларусс» по поводу *boscot*, тоже с пометой разговорное и устаревшее (*populaire et vieux*), написано: «*Qui est petit et bossu*». То есть тот, кто маленький и горбатый. Можно перевести как карлик, вспомнив, например, сказку Вильгельма Гауфа, в которой мальчик Якоб превратился в карлика (*Zwerg*) с длинным носом и горбом (*Buckel*): «*ein Zwerg mit langer Nase und mit Buckel*».

В словаре французского разговорного языка существительное *boscot* имеет английский перевод *humpie* (от *hump* со значением горб), и эта форма подталкивает к поиску русского соответствия с уменьшительно-ласкательным суффиксом. Таким соответствием будет горбунок, которое, по-моему, в данном случае подходит лучше, чем карлик.

Какой-то русский помещик, барин или какая-то барыня, щеголявшая знанием французского языка, дала своей собаке кличку *Bosco*. Это могло быть и не собственно кличкой, а ласковым обращением. Любительницы собак как только не кличут своих мосек и фиделек! Моську, предположим, зовут официально Трезором (*trésor* по-французски сокровище), уменьшительно Трезоркой; у кудрявой болонки в басне Крылова имя

Жужу (jou-jou по-французски детская игрушка), для дворового Барбоса она Жужутка; а хозяйка придумает множество дополнительных нежных именовании: моя ты лапушка, мой ты красавчик...

Значит, любимая собака должна быть горбатой, иметь врождённый телесный изъян, чтобы заслужить кличку Боско? Вовсе нет. У некоторых живых существ от природы выгнутая спина. Английское humpie используется как разговорное название горбуши, у которой спина горбиком. Из собак вспоминается борзая: узкое тело, спина дугой. Но во французском определении говорилось о существе маленьком: маленький-горбатенький. Есть такая разновидность: малая итальянская борзая (piccolo levrier italiano). В России её обычно называют левреткой. Посмотрим в собаководческих книгах описание: «Левретка (lévrier): <...> формат квадратный, пояснично-спинная область изогнута в виде арки». На изогнутую спину указывают и английские справочники: «As with all greyhounds it is recognized as having an almost arched back». Посмотрите на левретку, небольшую собачонку с изогнутой спинкой: возникает вполне естественное желание назвать её ласково Горбунком.

Каким образом французское bosco попало в русские говоры? Каким угодно, здесь открываются возможности для любых предположений; пути словесные неисповедимы! Дворовые люди, кто угодно мог слышать, как барин или барыня сюсюкает со своей левреткой, со своей боско, со своим боском. Появление иностранных слов в языке бывает объяснимым: они пришли, скажем, в период деятельной торговли с тем или иным государством, какие-то слова укоренились у нас, ког-

да дворяне предпочитали говорить не на родном, а на французском языке... В том же «Словаре русских народных говоров» мне встретилось случайно кавьяр (с ударением на последний слог) – существительное мужского рода с объяснением: солёная паюсная икра, с указанием, что оно отмечено в ярославских говорах в 1846 году. Так это же английское caviare (чёрная икра). Нет, судя по ударению, французское caviar. По какой-то причине оно оказалось и, главное, закрепилось на какое-то время в разговорной речи ярославцев. Его отметили, его внесли в словарь областных слов. Но не более того. А слово боско какой-то острослов вставил в небылицу про крестьян, якобы съевших вместо зайца свою собаку, эта байка попала в газету, о кличке боскоеды узнало определённое количество людей, ставших привычным связывать боску и боскоедов без особых причин для насмешки над жителями других волостей, уездов и городов. Редкие слова получили долгую жизнь благодаря тому, что попали в народные присловья.

□

Константин Борисович ВАСИЛЬЕВ –

живет в Санкт-Петербурге.

Окончил Ленинградский университет.

Его первые очерки, рассказы и переводы печатались в журнале «Костер».

Филолог по образованию, написал ряд пособий по английскому языку, в издательствах «Эксмо» и «Астрель» выходили его самоучители «Легкий английский», «Полезный английский» и «Живой английский», школьный курс «Ваш любимый английский».

Готовил к печати книжные серии «Русская словесность» и «Наследие» для издательства «Азбука».

